

Колдовские Миры

ЗАГРОБНАЯ ЖИЗНЬ ДОНА АНТОНИО

ТАТЬЯНА БОГАТЫРЕВА
ЕВГЕНИЯ СОЛОВЬЕВА

Евгения С. Соловьева
Татьяна Юрьевна Богатырева
Загробная жизнь дона Антонио
Серия «Колдовские миры»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18922221
Загробная жизнь дона Антонио: Э; Москва; 2016
ISBN 978-5-699-88798-9

Аннотация

Слава капитана Генри Моргана гремит от Средиземноморья до Карибов. Но никто не знает, что самый удачливый пират семи морей – на самом деле девушка, дочь морского фейри и опальная наследница герцогства, сбежавшая из-под ненавистного венца и от костра инквизиции. Марине удастся отомстить, но на нее падает проклятье. Даже могущественная ведьма не в силах снять его, но она может дать подсказку: ищи феникса. Вот только кого найдет Марина? Ведь феникс – это страсть, наваждение, смерть и возрождение. И чтобы очиститься в его пламени, придется поверить в невозможное и рискнуть всем.

Содержание

История, рассказанная за кружкой верескового меда в таверне «Девять с половиной сосисок»	5
Часть первая. Фата Моргана	7
Глава 1, в которой рассказывается о маленькой девочке, силе и слабости	7
Глава 2, в которой благородный дон пытается героически погибнуть	16
Глава 3, в которой грозный пират растит орхидею в горшочке	26
Глава 4, где говорится о китайском мудреце Лао Цзы и правильном применении веревки	39
Конец ознакомительного фрагмента.	49

**Татьяна Богатырева,
Евгения Соловьева
Загробная жизнь
дона Антонио**

© Богатырева Т. Ю., Соловьева Е. С., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

История, рассказанная за кружкой верескового меда в таверне «Девять с половиной сосисок»

Все таверны чем-то похожи друг на друга, и когда ты открываешь тяжелую дверь, становится неважно, какой на дворе век – двадцать первый или шестнадцатый – и что ты оставляешь позади – мир информационных технологий или мир не ушедших в свои холмы сидхе и ждущих на скалах сирен. Заходи в таверну, отведай ароматных, настоянных на вересковом меду историй, протяни руку к очагу и угости саламандру ломтиком ежевичного пирога, а белую собаку с красными ушами, что льнет к тебе и заглядывает в глаза, – жареной поросячьей ногой. Послушай старого валлийца Неда – у него всего один глаз, зато, говорят, этот глаз видел самого капитана Моргана и двух королей, Марию Кровавую и Изабеллу Кастильскую. Что, они жили в разное время и не подавали руки одноглазому пирату? Да ну. Еще скажи, что Одиссей выдумал сирен, чтобы оправдаться перед Пенелопой за недельный загул в ближайшем кабаке!

Оглянись: за окнами хлещет ливень и бьют молнии, разбиваются корабли и сердца. Самое время послушать одну из правдивых историй старого Неда, рассказанную нарочно для тебя. Историю о крови, смерти и любви, о тайнах и преда-

тельстве, о волшебстве и... Бери же кружку верескового эля, садись к огню и слушай рассказ об одной из последних дочерей дивного народа.

Часть первая. Фата Моргана

Глава 1, в которой рассказывается о маленькой девочке, силе и слабости

При крещении ей дали обыкновенное и скучное имя Морвенна Лавиния, леди Вудвилл. Старина же Нед, ее бессменный хранитель, пестун и наставник, звал ее Мариной. Морской. И были у него на то причины, уж поверь. Здесь, в Уэльсе, никому и в голову не приходило сомневаться, что дочку герцогу Торвайну подкинули фейри из холмов. В отличие от брата-двойняшки, истинного человека, равно похожего на отца и мать и ни капельки – на дивный народ.

Они росли вместе семь лет, не разлучаясь ни на миг, вместе учились грамоте и верховой езде, вместе ходили под парусом и слушали, как отец разбирает споры вассалов. Кухарки с конюхами не уставали шушукаться об удаче, посетившей герцогский род. Древний, почти угасший род. Говорят, если б не фейри из холмов, не было бы на свете и бабки нынешней герцогини, так что удачи досталось вдвойне...

Но не будем забегать вперед, впрочем, и назад тоже. Остановимся посерединке, аккуратно сегодня. А сегодня, в день тридцать второй месяца мая года от Рождества Христова тысяча

шестьсот... Ч-ш-ш! Молчи! Здесь, в старом Уэльсе, среди зеленых холмов, обязательно бывает тридцать второе мая. Пусть и не каждый год. Но в этом году, тысяча семьсот двадцать... забыл каком, этот день точно был. Потому что старый Нед помнит его, как будто тот случился вчера или случится завтра... Не перебивай, а слушай дальше.

В этот чудесный день, когда весна и лето встречаются и танцуют ночь напролет веселые танцы во славу старых богов, в замке Торвайн никто не веселился и не танцевал. Замок мрачно и покорно ждал нового владельца, англичанина. Уже второго англичанина за два десятка лет, но если первый – отец юной леди Марины – пришелся зеленым валлийским холмам по душе, то от этого не ждали ничего хорошего.

Прежде всего не ждала сама Марина. В ее четырнадцать лет и думать не хотелось о замужестве с чванливым, тщеславным и бесчестным чужаком, которому новая английская королева пожаловала герцогство вместе со всеми обитателями. Потому Марина с самого утра сидела у окна с книгой, жадно впитывая рассказ венецианского авантюриста о далеких землях и головокружительных приключениях.

Ты скажешь, что в тот век девицам на выданье подобало не читать книги, а молиться и вышивать? Что ж, благовоспитанным англичанкам книг и в самом деле не давали, потому как незачем женщине утомлять и без того невеликий ум. Но Марина была валлийкой, больше того – отец растил ее будущей герцогиней, полновластной хозяйкой обширных земель.

Он так же растил бы и сына, но мальчика забрало суровое валлийское море, оставив герцогу одну лишь дочь. О том, как это случилось и при чем тут феири и морское счастье, старина Нед тоже расскажет, но в другой раз.

Впрочем, герцог горевал недолго, а если и долго – то никому этого не показывал, и дочь свою учил не выставлять слез напоказ, а держать свои земли и своих людей крепкой хозяйской рукой, словно норовистого скакуна. Ведь не зря говорят, что каков капитан, таков и улов.

Но оставим дни прошлые мертвецам и вернемся к дням нынешним. К леди Морвенне Лавинии Вудвилл, герцогине Торвайн, и ее досточтимой матушке, леди Элейн. Прямо в парадный зал, куда и явился младший сын захолустного барона, сэра Валентин, верной службой короне заслуживший свое собственное герцогство.

* * *

– ...супругой станет леди Элейн, дочь последнего законного герцога Торвайн, – разносился под закопченными сводами старого замка резкий и гнусавый голос английского сэра Валентина. – А несчастный плод беззакония, Морвенна Лавиния, завтра же отправится в монастырь Святой Агнессы.

Марина так увлеклась разглядыванием столичного щеголя и его свиты, что не сразу поняла смысл его слов. То есть

про монастырь она услышала, но вот что туда отправится она?! Она – плод беззакония?! Нет, этого не может быть! Объявить брак отца и матери недействительным, отправить ее в монастырь... Нет и нет!..

Матушка же говорила, что новой герцогиней станет она, Марина, и тогда они обе смогут спокойно жить в своем замке, ведь сэру Валентину нужен лишь титул и доход, ну и наследники, конечно. Потом. Когда Марина войдет в возраст. А он – что ж он делает? Что он такое говорит?!

Немыслимо хотелось оборвать высокопарную речь чужака, крикнуть на весь зал, что она никакой не плод беззакония, а Морвенна Лавиния Вудвилл, герцогиня Торвайн, единственная законная наследница своего отца, и это ее дом и ее люди! И чтобы все они подтвердили – и матушка, и сэры Гвинн и Уриен, и граф Арвель, и все-все, кто остался в Уэльсе защищать их, своих герцогинь.

Но все-все молчали. Склонили головы, не глядя на Марину, и молчали. Только матушка легко сжала ее руку и шепнула: «Тихо, Морвенна».

«Истинная леди никогда не спорит, дочь моя. Наша участь – подчиняться господину своему мужу и Ее Величеству королеве», – прозвучало в ушах Марины, хоть матушка и не произнесла этого вслух. Но она достаточно часто говорила это раньше, чтобы Марина накрепко запомнила. Только следовать заветам матушки она не собиралась. Она не такая. Она – дочь своего отца. И она скорее утопится, чем отпра-

вится в монастырь! А лучше утопит столичного щеголя, и пусть отец на том свете ею гордится!

Но что она может против целого отряда английских узурпаторов? Жизнью девушки до замужества распоряжаются ее родители, а матушка не заступится за дочь. Слишком привыкла молчать и терпеть, что бы ни происходило вокруг.

Столичный щеголь словно услышал эти мысли, глянул прямо на нее. В его взгляде не читалось ничего доброго. Холодный, жабий, даром что жабы не бывают такими белесыми. Пронизывающий насквозь. Захотелось отступить, спрятаться за верного и надежного Неда. Марина с трудом удержалась, чтобы не обернуться и не найти взглядом возвышающуюся над головами придворных и слуг рыжую макушку.

Нельзя.

Ни показать слабость, ни показать силу.

Англичанин, при всех своих кружевах и духах, не задумается ее убить, если заподозрит хоть малейшую возможность сопротивления. Если подумать здраво, то и монастырь для нее – милость, раз уж она не нужна ему как супруга. Непонятно, правда, почему. У матушки и здоровье слабое, и возраст уже... Правда, матушка красива. Очень. Марина совсем на нее не похожа: матушка статная, высокая, белокожая и черноволосая – редкая красавица. Таких на весь Уэльс одна, и во всей Англии похожей не сыщешь, не зря ж отец ее любил. Общего между матерью и дочерью – лишь белая кожа. Но к матушке загар не пристает, а вот Марина на солнце ми-

гом становится медного цвета, и волосы совсем выгорают, до белизны. Это красиво, белые волосы. Отец говорил, что благородные дамы нарочно садятся на солнцепеке и развешивают волосы по полям шляпы, чтобы они выгорели и выбелились. Марина этого не видела, хоть и часто ездила вместе с отцом в столицу. Она даже научилась разбираться в столичных модах – отец говорил, что это обязательно нужно знать благородным леди. Отец много чему ее научил, и в том числе терпеть и делать невинные глаза. Тоже обязательная наука для леди.

Марина и делала. Невинные глупые глазки провинциальной девочки, умеющей лишь вышивать и читать молитвы. Хотелось верить, что в замке не найдется никого, кто расскажет новому владельцу сказку о подкидыше фейри и правду об образованной леди, которую отец учил ездить верхом, различать породы лошадей и овец, владеть клинками и гроссбухами. Только не учил, что делать, когда ты одна и тебе всего четырнадцать, а с пришлым сэром целый отряд рыцарей и солдат. Наверное, и сам не знал. Отец умер вместе со своей королевой, на той же плахе. И теперь его дочь осталась одна.

Только плакать нельзя.

Сэр Валентин ее не пожалеет.

Никто сейчас не пожалеет – валлийским рыцарям не хочется на плаху вслед за своим герцогом. И ей не станет лучше, если они погибнут за нее.

Значит, монастырь?

Нет. Ни за что.

И топиться она не будет. Слишком это будет хороший подарок жабе Валентину.

Марина склонила голову под взглядом англичанина. Покорно, как подобает истинной леди. Прислушалась к шепоткам за спиной, в толпе слуг.

Ее жалели и оплакивали. Уже. И тихо радовались, что леди Элейн останется в замке. Все же она урожденная валлийка, а дети – что дети? Еще народятся, хоть и жаль юную леди. Но она не пропадет, подкидыши фейри не пропадают. Вот увидите, леди Марина еще вернется и покажет этому англичанину!..

Все это было тихо и немножко отчаянно, но приятно. Ее люди верят в нее. А значит – она и правда не пропадет. Она вернется домой, дайте срок! Так вернется, что белесая жаба ускочет в свое девонширское болото и даже квакнуть не посмеет! А если у матушки появятся дети... Ну что ж, Марина будет их любить. Фейри любят детей, истинные леди – тоже, а дочь герцога Джеффри с детьми не воует.

Мысли о возвращении и вере поддерживали Марину весь остаток дня, пока камеристка собирала ей скудный сундучок в дорогу, а матушка давала последние наставления и плакала в кружевной платочек. Марине тоже хотелось плакать. Очень хотелось. Особенно когда матушка вынула из сундучка недочитанную книгу синьора Марко и, покачав головой, напом-

нила, что теперь Морвенне Лавинии подобает читать лишь богоугодные писания святых отцов. Быть может, когда-нибудь Морвенна станет аббатисой, ведь она – дочь герцога и достойна особенной доли. А пока следует быть послушной, строго следовать правилам монастыря и служением Господу заработать его милость.

Матушка, несомненно, была права. И если бы Марина собралась в монастырь, она бы, без сомнений, стала аббатисой. Но монастырю ее не видать. Хоть Марину и сразу после торжественной встречи сэра Валентина отправили в свою комнату, готовиться к отъезду, она успела пройтись по замку и услышать много интересного. К примеру, что монастырь Святой Агнессы славится суровостью и отличным воспитанием для дочерей непокорных подданных короны. Девы там становятся тихими, послушными и богобоязненными. И чтобы такая ценная для короны личность, как Морвенна Лавиния Вудвилл, случайно не проехала мимо монастыря, ее будут сопровождать сразу четверо английских рыцарей, безусловно, верных сэру Валентину и королеве. Именно в такой последовательности – что показалось Марине немало важным. Впрочем, то, что ее признали ценной, тоже. Значит, в словах сэра Валентина о плоде беззакония было больше бахвальства, нежели правды, и брак отца и матушки вообще не признан церковью недействительным.

Что хорошо. Будет. Потом. Когда она вернется домой. А она обязательно вернется и не будет лить слезы. Это просто

с кухни луком пахнет.

Луком пахло нестерпимо, так что Марина щурилась и украдкой промокала глаза платочком. Даже когда матушка пожелала ей доброй ночи, поцеловала в лоб и ушла вниз, в парадный зал, ужинать вместе с будущим супругом, а в дверь тихонько постучался Нед.

Открыв дверь, Марина молча прислонилась к широкой груди, пахнувшей потом и железом, и бросила проклятый платочек на пол. Слезы полились рекой, дыхание прервалось и застряло в горле...

– Все будет хорошо, моя маленькая леди, – едва слышно пробасил Нед, подхватывая ее на руки и баюкая. – Все будет хорошо.

Не будет, хотелось сказать Марине, уже никогда не будет! Но голос не слушался, а слезы мешали дышать. Папы больше нет! А без него хорошо быть не может!..

Нед бормотал что-то успокоительное, гладил ее по волосам и качал на руках, как морской прибой. И голос его был похож на прибой. Так похож, что Марина уснула. Как-то сразу и незаметно, вовсе не думая спать. И проснулась ранним утром с четким пониманием: ее жизнь закончилась сегодня. И либо начнется новая, либо она умрет в монастыре Святой Агнессы, вдали от моря и родных зеленых холмов.

Глава 2, в которой благородный дон пытается героически погибнуть

Загробная жизнь благородного дона Антонио Гарсия Альвареса де Толедо-и-Бомонт, графа де ла Вега, началась около пяти часов пополудни десятого августа тысяча пятьсот... или тысяча шестьсот... не будем уточнять, года от Рождества Христова. С палящего солнца, радостно-деловитого ора по-английски и сладкой винной лужи под щекой. Странно, но боли он не чувствовал – вообще ничего не чувствовал, вместо привычных ощущений была легчайшая пустота! – хотя ясно помнил, как английский клинок задел по боку как раз перед тем, как что-то еще раз ударило его по голове и он умер.

«Каналья капитан, не поделился флорентийским трофейным, зря пропало». – Только он успел подумать какую-то чушь и скорее от растерянности попытался нащупать шпагу, как его за волосы грубо вздернули над палубой.

– Эй, Смолли, еще живой испа... – завопили позади надтреснутым басом.

Вопль оборвался на полуслове. Антонио Гарсия Альварес де Толедо-и... не будем утомлять тебя, достойнейший читатель сих строк, перечислением всех имен благородного донна, а назовем его просто, по-семейному: его светлость граф де Ла... э... то есть Антонио. Даже Тоньо – как называл его

в приступах нежности отец и как кликала его в детстве нянюшка. Так вот, Тоньо намного быстрее, чем читаются эти строки, пнул англичанина в колено крепким испанским каблуком. Пнул он даже прежде, чем успел сосчитать количество «голых дьяволов» вокруг. Их было преизрядно, так что единственным разумным вариантом было бы притвориться покорным ягненком... Но этот вариант благородный дон не рассматривал в принципе. Как неблагородный, не достойный истинного идадьго и не годный ни при жизни, ни тем более после смерти. Потому Тоньо попытался тут же обезоружить онемевшего от адской боли противника и рвануть... да хоть к ближайшему проклятому английскому пирату!

Увы.

То ли слава испанских сапог оказалась несколько преувеличена, то ли в матросы к каналье Моргану нанялся сам морской дьявол – не суть. А суть в том, что англичанин и не подумал выпустить волосы благородного дона – знатную, надо сказать, черную и выщущуюся по испанскому обычаю гриву, – и ни черта у благородного дона не вышло в смысле героически погибнуть – еще раз, уже окончательно, – прихватив на тот свет как можно больше врагов Испании. Вышло лишь заработать пинок тяжелой английской ногой пониже спины и совершенно неромантичный и негероический фонарь под глазом. Тяжелой английской рукой.

Тут бы нашему дону посетовать на некуртуазность английских пиратов и смириться перед тяжелой дланью судьбы,

подвесившей его, как беспомощного кутенка, между жизнью земной и подобающим местом на том свете, но не тут-то было. Благородные доны так просто не сдаются!

Так что целых пять секунд дон потратил на обзаведение новыми синяками, а заодно наделением синяками и ссадинами проклятых пиратов, раз уж ни на что более серьезное был сейчас не способен. Справедливости ради стоит отметить, что пиратам досталось больше, ибо лягаться твердыми каблуками куда сподручнее, нежели босыми пятками, а оружия пираты не применяли – не лишаться же столь редкого на безлюдных океанских просторах развлечения, как живой пленник!

Под ругательства как минимум на пяти языках благородного дона повалили лицом на немытую палубу – вот бы выпал матросам горячих боцман «Санта-Маргариты», увидев эти затоптанные винно-красные пятна! – и связали руки крепкой ямайской веревкой. Происхождение ее опытный в торговых и такелажных делах дон определил по колючести, ведь, как известно, ямайские веревки сродни ямайскому року: самые крепкие и самые колючие на обоих океанах.

«Доска, рея? Или английские каналы придумают развлечение похлеще?» – думал Тоньо, вопреки звенящей в голове пустоте пытаясь понять, где ж тут пороховой трюм и как до него добраться, и любясь сквозь дыру в борту фрегата розовеющими краями облаков и пенными бурунами, вскипающими за треугольными плавниками. От вида этой дыры ра-

чительного боцмана «Санта-Маргариты» хватил бы удар, но он, по счастью, из акульего брюха ее уже не видел.

– На доску испанскую сволочь! – поругавшись всласть и обменявшись по инерции парой пинков и зуботычин, пришли к единому мнению «голые дьяволы».

«Прими, Иисусе, мою душу и даруй самую горячую скоророду каналье Моргану вместе с...» – начал кроткую молитву Тоньо, готовясь отойти в мир иной и представляя, как красиво будет гореть сначала на море, а потом в аду весь пиратский бриг. Но тут приготовления к похоронам и фейерверку прервал глас не Божий, а вовсе даже человеческий:

– Стоять, якорь вам в корму!

Тоньо мысленно помянул морского дьявола: бриг и не думал гореть, а в голове по-прежнему была невыносимая легкость и бессмысленность бытия. Зато прямо перед глазами воздвиглись, иначе и не скажешь об этом монументальном сооружении, загорелые дочерна, грязные ноги, размером подходящие элевфанту, а не матросу.

Одна из ног пнула благородного дона в бок:

– Поднимите эту медузу и к капитану!

Кто-то из пиратов вполголоса возмутился: чиф отобрал у них законное развлечение! Но на него шикнули: мол, капитану Моргану виднее, как развлекаться команде.

Тоньо снова крайне некуртуазно, за волосы, вздернули над палубой, и он уперся взглядом в волосатую грудь элевфанта. Выше курчавых рыжих зарослей располагалась

оскорбляющая взор божий рябая рожа, перекошенная багровым шрамом, а снизу джунгли терялись в драных холщовых подштанниках, перепоясанных платком изумрудного турецкого шелка. Глаз у старпома был только один, зато вращался и тарачился он за двоих.

Больше ничего интересного Тоньо рассмотреть не успел, если не считать досок палубы, куска моря и абордажных крюков, все еще скрепляющих поверженную гордость испанского флота, тридцатипушечную «Санта-Маргариту», с английским бригом «Роза Кардиффа». Его проволокли по сходням, едва не уронив между бортами, и дотащили до группы размахивающих руками и орущих над грудой мешков пиратов.

– Сэр, еще один испанец! – крикнул старпом, заглушая гам.

Пираты расступились. Благородного дона толкнули в спину, так что он с размаху грохнулся на колени перед мальчишкой лет пятнадцати на вид. В отличие от пиратов мальчишка был одет, даже чисто и почти прилично: в полотняные штаны, чулки и туфли с пряжками, а сверху – в щегольскую батистовую рубаху и ультрамариновый бархатный дублет с золотым кантом. Волосы, заплетенные в обычную моряцкую косу, выгорели почти до белизны, а сам он был тонок и милвиден, как девица. Разве что выражение лица девице не подходило, никакой мягкости и нежности, пристойной слабому полу, одна лишь оружейная сталь.

«Странно для любимого капитанского юнги», – подумал Тоньо, ухмыляясь мальчишке в лицо: благородный дон не опустит голову ни перед кем, кроме Пресвятой Девы, а эта «дева» – явно не святая.

Краем глаза он успел заметить, что рядом так же – на коленях и связанные – стоят капитан «Санта-Мargarиты» дон Хосе Мария Родригес, два офицера и купец из Кордобы, всего неделю назад спасенный от собратьев Моргана. А вот самого пиратского капитана видно не было. Доверяет пленников своей «донне»? Хам.

– Он сломал руку Смолли, капитан! – пробасил старпом позади, и только тут до Тоньо дошло, что этот мальчишка и есть гроза морей Генри Морган, продавший душу дьяволу английский пират. Именно за ним «Санта-Мargarита» гонялась уже два года и вот – догнала на свою голову.

Мальчишка махнул старпому. То ли «заткнись», то ли «убирайся».

Протянул руку, коснулся пальцами лба Тоньо. Нахмурился, увидев кровь на руке.

– Вы – канонир «Санта-Мargarиты», благородный дон? – спросил по-испански, с легким акцентом.

Тоньо усмехнулся: вот теперь точно сэр пират придумает что-нибудь повеселее доски или рей – уж для того, кто чуть не потопил своими пушками чертову «Розу», грех не расщедриться. А все капитан Родригес, встряло же ему на медни выпороть сразу полдюжины матросов, причем всех –

из ветеранов. В кости, видите ли, играли вместо надраивания палубы и вознесения вечерней молитвы. Мало того, пообещал то же каждому, кого застанет за азартными играми. Если б кто-то из предателей не ударил Тоньо по голове, едва он собрался поднести первый запал к мортире, черта с два бы пираты взяли «Санта-Маргариту».

Родригес – *имбесиль*.

– Канонир, – ответил Тоньо, продолжая разглядывать пирата. Против заходящего солнца приходилось щуриться, но это не помешало отметить полное отсутствие побрякушек, столь любимых моряками – благородными и не очень. На самом Тоньо их было по крайней мере полдюжины, разумеется, до того, как они попались на глаза мародерам.

Пират расплылся в такой улыбке, будто получил роскошный подарок на именины. Да, пожалуй, именно так оно и было... Бросил поверх головы Тоньо:

– Дона канонира в мою каюту! Горячей воды, полотна, бренди, ужин. Живо! Этих, – мазнул взглядом по капитану и купцу, – в трюм.

Капитан Родригес поднял голову, до того покорно опущенную, и ожег Тоньо ненавидящим взглядом. В его глазах читалось: снова герцогскому выродку все на блюдечке, а мне – одни шишки!

Дважды *имбесиль*. У него хоть есть шанс дожить в трюме до Тортуги, Барбадоса или Ямайки – один черт знает, куда понесет Моргана. А за живого канонира «Маргариты» ан-

гличане душу продадут, у кого она еще не продана. И не ради того, чтобы пожать ему руку и выразить восторг новой конструкцией орудий, потопивших не один десяток самонадеянных ублюдков. Чем «душевный разговор» с пиратом, лучше бы сразу смерть.

– Прежде чем заливать, Морган, надо бы отлить. Могу и в твоей каюте, на ковер. – Тоньо выдал все фамильное нахальство вкупе со школярским гонором. Будь на месте Моргана дон Хосе Мария Родригес, вместо бренди Тоньо получил бы пять дюймов стали в глотку.

Пират самым гнусным образом не оправдал надежд Тоньо на смерть от доброго клинка. Он рассмеялся. Не разразился зловещим хохотом, не растянул губы в мерзкой усмешке, а запрокинул голову и как-то совсем легко и звонко рассмеялся.

Кивнул тем, за спиной Тоньо:

– Сопроводите.

«Каналья», – подумал Тоньо и вскочил на ноги, отпихнув плечом пирата, собравшегося ему помочь.

Морган смотрел на все это с интересом. Снизу вверх. Мальчишка оказался Тоньо всего лишь до подбородка, а своему эфранту-старпому и вовсе дышал чуть не в пупок.

– Покорнейше благодарю, – сказал Тоньо самым издевательским тоном и зашагал к борту в полной уверенности, что пираты либо расступятся, либо он таки получит свой нож под ребра.

Расступились, каналы. Развлекаются! Сюда бы хоть одну мортиру с «Маргариты»... «Господи Иисусе, пошли им искру в пороховой трюм, порадууй сердце раба твоего фейерверком!»

Сердце на миг замерло: «Ну услышь же мою молитву, Господи!»

Не услышал. Проклятые предатели, и как только додумались ударить по голове!..

За шаг до борта Тоньо небрежно бросил сопровождающему его пирату:

– Развяжи.

Пират развязал. Только не руки, каналья, а завязки штанов. И даже стащить помог.

– Палубу не мне мыть, – хмыкнул Тоньо. Не то чтобы он надеялся, что это послужит последней каплей и пират его убьет или хоть спихнет за борт. А скорее от чистого душевного порыва сделать крысам напоследок какую-нибудь мелкую гадость, раз крупная не получается.

Пират притворился глухим. А может, и правда был глухой? Даже ведь бровью не повел, лишив достойного дона маленькой радости! А заодно – сухих штанов. Ну и плевать. Их же капитану это нюхать в своей каюте. Ха. И если они думают, что он вроде дона Хосе Мария Родригеса, который по нижней палубе ходит, приложив к носу надушенный платочек, то сильно ошибаются. Чтобы лишиться присутствия духа студюозуса, проучившегося шесть лет в университете слав-

ного города Саламанки на кафедрах алхимии и римского права, нужно что-то посущественнее мокрых подштанников.

Смутить пирата тоже не удалось – с той же каменной мордой натянул на пленника штаны и чуть не под руку отвел в капитанскую каюту. Даже пинка не отвесил напоследок. И дверью каюты не хлопнул! Пансион благородных девиц, черти бы его забрали наконец, вместе с этой невыносимой легкостью бытия!

Глава 3, в которой грозный пират растит орхидею в горшочке

Каюта Моргана была типичной капитанской каютой, что лишь усиливало ощущение нереальности происходящего. Сон. Загробная жизнь. Ведь не мог же на самом деле дон Антонио Гарсия Альварес де Толедо-и-Бомонт, граф де ла Вега, попасть в плен к английской каналье Моргану! Значит – это всего лишь сон, и проснется Тоньо дома, в Саламанке, с тяжелой после вчерашней попойки головой, и не будет ни этих трех с лишним лет на флоте, ни пиратов, ни предателей, ни мальчишки Моргана. Или – сразу в ад, как и обещала ему маменька. Успел он нагрешить на ад или не успел?.. Ждет ли его там ненавистный братец, обрадуется ли встрече среди котлов?..

Да к чертям брата. Пока на ад не похоже, и слава тебе, Пресвятая Дева.

Мысленно перекрестившись, Тоньо принялся разглядывать каюту. Не сказать, что за годы морской службы Тоньо перевидал их сотню, но довольно, чтобы понять: дисциплина на пиратском бриге – на зависть регулярному испанскому флоту. Идеальная чистота, порядок и чуть ли не свежие цветы на столе. То есть в самом деле цветок. Белая орхидея в стеклянном горшке, по какому-то капризу природы расцветшая в феврале. И, само собой, до черта карт по стенам,

причем добрая половина – испанские. Трофейные, надо полагать, вряд ли Морган покупал их на базаре.

Но карты и цветы – это были мелочи, сущие мелочи. Главным была бадья ведер на двадцать посреди каюты, аккуратно между накрытым к ужину на две персоны столом и застеленной расписным шелком кроватью. Над бадьей поднимался парок, и пахло пресной водой. Вы только вдумайтесь, двадцать ведер пресной воды для купания сэра капитана, и это посреди океана! Вот где роскошь – столичным щеголям не понять.

К сожалению, забраться в бадью прямо в грязной одежде Тоньо не удалось. Пират усадил его в кресло возле накрытого стола и ушел, подмигнув от двери. А Тоньо – остался. У стола. Накрытого. Со связанными руками.

Каналья Морган! Так издеваться – это талант нужен. Природное призвание.

А к кракенам его. Как уже говорилось, благородные донны так просто не сдаются.

Чуток поерзав в кресле, Тоньо развалился поудобнее, хоть со связанными за спиной руками и было сложно изобразить позу «благородный дон отдыхать изволят», прикрыл глаза и... сам того не ожидая, уснул. Видимо, утомился-таки за полные сутки маневров и боя. Морская баталия – это вам не серенады под балконом петь. Даже не прекрасных донн портреты рисовать.

Эх! Где те донны, где те портреты...

То есть понятно где – на берегу остались, это Тоньо пришлось идти на флот, подальше от старшего брата и прочих неприятностей. Но об этом – потом. А сейчас благородный дон уснул и спал... а бог его знает сколько. Но чтобы увидеть во сне обожаемую Саламанку и прелестную донну Марию делос Анхелес Инезилью Молину, ему хватило.

Ах, какой это был сладкий сон! Вот только досадно, скрип двери разбудил его в самый неподходящий момент, когда донна Анхелес уже упала ему в руки и готова была отдаться, но... кракена в глотку этому, этому...

Не успев открыть глаз и сообразить, где он, Тоньо сгруппировался, готовый выхватить шпагу и драться – или быстро-быстро бежать, смотря по обстоятельствам. И лишь через целую секунду вспомнил, сообразил, кто тут может скрипеть дверью, осознал все ту же невыносимую легкость и пустоту бытия... и смирился. Господь дал, Господь и вернет, когда будет нужно. А пока можно немножко насладиться подаренными Им часами жизни ли, смерти – не суть.

Тоньо расслабился, даром что штаны после сна были сильно тесны, а руки затекли. Лениво открыл глаза, зевнул.

На пороге стоял Морган.

Тот самый Морган, что снился ему битых два года, и все больше повешенным на рее бородастым битюгом вроде его чифа.

Шпагу бы! Да хоть завалящий ножик и свободные руки! А там можно и по доске, и на рею – за такое благое дело

Пресвятая Дева сразу в рай запишет, и пусть братец скрипит зубами на чертовой сковороде в одиночестве.

– Прошу прощения за задержку, благородный дон... э-э-э-э?... – Голос у Моргана был хрипловатым и по-мальчишески высоким, словно ему лет пятнадцать, не более. Странно. Нескладно. Не может быть сэру Моргану пятнадцати, он уже года три как капитан. Но это же сон? Сон, определенно. А во сне может быть все, даже пятнадцатилетний капитан – гроза морей.

– Граф де да Вега, к вашим услугам, сэр Морган, – ухмыльнулся Тоньо, мол, триста каракатиц тебе в суп, а не мои услуги: за невыносимой легкостью бытия не получалось даже ненавидеть, хоть Тоньо и твердо знал, что ненавидеть англичан – его святой долг.

– Граф де да Вега, сын герцога Альба, – довольно кивнул мальчишка, словно бы не «Санта-Маргарита» гонялась за ним по морям и океанам, а он за «Санта-Маргаритой», и все ради Тоньо. Пройдя на середину каюты, Морган попробовал пальцем воду, обернулся к Тоньо. – А ваше имя?

– Антонио Гарсия Альварес де Толедо-и-Бомонт. – Тоньо ухмыльнулся еще нахальнее и веселее: – Можно просто – ваша светлость.

Морган опять рассмеялся, легко и заразительно, словно они вот уже лет сто дружат. Каналья.

Тоньо заинтересованно поднял бровь:

– Над чем смеетесь, сэр Морган? Налейте и мне.

– Благородный дон Антонио, вы дадите слово чести, что не попытаетесь убить меня и сбежать, если я вас сейчас развяжу? Вам бы не помешало вымыться и перекусить...

– Мне бы еще не помешало отыметь симпатичную девушку, благородный сэра Морган. У вас тут случайно не завалялась? После боя, знаете ли, так хочется. – Вот тут Тоньо был совершенно искренен. Горячка боя такая, знаете ли, горячка! На столб в юбке бросаться начнешь. Да еще донна Анхелес пригрезилась.

– Горячая ванна тоже отлично снимает напряжение, дон Антонио, – улыбнулся пират, оценивающе оглядев его с головы до ног и, похоже, снова оставшись довольным.

– Какая досада, сэра Морган, а я уж понадеялся, что вы родня той самой фее Моргане. За каким чертом я вам сдался чистый и сытый?

Морган пожал плечами:

– Вы доблестный враг, дон Антонио, я мало таких видел. Мне бы хотелось провести вечер в приятной беседе. А может, и не один. К тому же, – он снова заулыбался, – вы ведь достаточно благоразумны, чтобы предпочесть удобный плен трюму, нет?

– Я ужасно благоразумен, сэра Морган, как вы уже заметили. – Тоньо сделал лицо как на утренней мессе и едва не рассмеялся, нарушив всю игру: уж очень все это было нереально, особенно его собственная уверенность в искренности Моргана. Потом вздохнул. – Ладно, от приятной беседы, осо-

бенно если к ней прилагается кальвадос из сундука капитана Родригеса, благородный дон не откажется никогда.

– Так вы даете слово чести? – переспросил настырный пират.

– Вы злопамятны, сэр Морган. – Тоньо улыбнулся со всем возможным очарованием. – Даю слово чести, что не попытаюсь бежать до завтрашнего рассвета. Для приятной беседы нам хватит.

Морган кивнул, открыл дверь и гаркнул:

– Эй, долейте бадью кипятком!

Пока несли кипяток, Морган еще раз осмотрел Тоньо с ног до головы, снова кивнул и вышел. На пару минут, не больше. Вернулся с ворохом одежды, сказал:

– Вам нужно будет переодеться, дон Антонио.

– С превеликим удовольствием, сэр Морган. Мой камзол вчера вышел из моды.

Одежду пират сбросил на кровать, а в его руках осталась плоская шкатулка. Из нее Морган вынул темный флакон в богатой оплетке. Даже сквозь дразнящие запахи жареного мяса и маринованных артишоков – между прочим, из личных запасов самого Тоньо – чувствовался тонкий сандаловый аромат.

– Индийское? Неплохо, – не скрывая зависти, пробормотал он. За флакончик раза в два меньше он несколько лет назад отдал стоимость приличного скакуна.

Уронив несколько капель драгоценного масла в воду,

Морган убрал шкатулку с флаконом в шкафчик и, подойдя к креслу, ловко перерезал веревки. Тоньо мог бы поклясться, что здоровенный нож возник в его руке сам по себе и так же невесть как и куда исчез, едва надобность в нем отпала.

– Раздевайтесь, дон Антонио, – не то велел, не то попросил Морган.

Тоньо не заставил себя упрашивать. Разделся донага и, не подумав стесняться возбуждения, сбросил грязные тряпки на пол и влез в бадью.

Райское наслаждение! Ну, не считая того, что вода попала в порез на боку и в еще несколько ссадин и ранок. И вообще он как-то внезапно почувствовал, что устал, избит и голоден, как собака, и никакой прекрасной донны ему сейчас не светит – даже завалящей служанки, и той на «Розе Кардиффа» не сыщешь. Но это все было неважно. Вода! Горячая, пресная, лишь самую малость подсоленная!

Спасибо тебе, Пресвятая Дева Мария!

– А меня вы поблагодарить не хотите, дон Антонио? – Пират наблюдал за ним с выражением, которое определению не поддавалось.

Тоньо поднял бровь и спросил тоном пастыря с той же утренней мессы:

– Что такое благодарность человеческая перед ликом Божиим, сэр Морган? А сейчас ангелы смотрят с небес и радуются вашей несказанной доброте и милосердию. Вам зачтется, не сомневайтесь.

Морган против ожидания промолчал. Только что глаза потемнели. Не то от злости, не то... о, черт.

Похоже, не только благородным доннам после боя хочется всякого разного. А Морган, говорят, уже года два не сходил на берег. По крайней мере, «Санта-Маргарита» и весь прочий испанский флот всячески о том заботились.

К тому же благородный граф де ла Вега – если верить придворным льстецам – самый красивый мужчина Испании. Да даже если верить не льстецам, а лишь зеркалу и доннам – все равно самый красивый мужчина Испании. Ну, разве что папа, герцог Альба, не хуже. Выдержанное вино, и все такое.

Грех даже думать о том, почему Морган смотрит на него с таким странным выражением!

Но...

Но этот его взгляд будоражит не хуже клинка у горла, и эта его улыбка, почти девичья...

Сон и наваждение!

Поймав взгляд Моргана, Тоньо слегка потянулся и усмехнулся. Не то что дразнил, но... а черт знает, зачем.

Глаза пирата потемнели еще. Он подошел ближе и, ничуть не смущаясь, стал Тоньо рассматривать. Потом зачерпнул мыла из кувшина, склонился и начал мыло по Тоньо растирать. Это было хорошо. Нет, не то слово – хорошо. Изумительно. Вот именно то самое, чего не хватало для полноты счастья вдобавок к горячей воде и сандаловому маслу. У пирата были на удивление маленькие и тонкие руки, совсем

девичьи, и касался нежно – если забыть про мозоли от клинка, легко было поверить, что его моет донна Анхелес... Нет, сейчас было даже лучше и уж точно острее. Похоже, смерть – отличная приправа.

Откинув голову, Тоньо закрыл глаза и позволил Моргану исполнять обязанности горничной. В особенно удачные моменты даже постанывал и фырчал от удовольствия. А заодно – чтобы подразнить Моргана. Безрассудно? Опасно? Тем лучше! Все равно терять уже нечего, а в такие игры Тоньо никогда не играл. Честно говоря, и пробовать не хотелось, ему и без того хватало развлечений – да и святая инквизиция за такие развлечения грозила костром. Ну так почему бы сейчас, в короткий миг между жизнью и смертью, не откусить напоследок малую толику запретного плода? Совсем малую!

– Вы так явно наслаждаетесь, – протянул пират у самого уха. – Я даже завидую.

Тоньо тихонько засмеялся, сообразив, что ему только что сказали. Морган, проклятый Морган, завидует мертвецу!

«Ну так завидуй. И запоминай, черт тебя раздери! Это твой последний вечер. Я, дон Антонио Гарсия Альварес де Толедо-и-Бомонт, тебе обещаю!»

А Морган ткнулся носом ему в шею, сзади, и, почти прижимаясь губами к коже, тихо и хрипло сказал:

– Ты так пахнешь... Тоньо...

На миг показалось, что вместо Моргана позади него ока-

залась девица. Голос, запах, дыхание... Наваждение! И от этого наваждения бедра свело судорогой.

Проклятие! Как смеет пират казаться благородной девицей? И какого черта его собственное тело реагирует на мальчишку, как на девицу?!

Тоньо протянул руку назад, схватил Моргана за волосы, чуть обернулся и встретился с ним взглядом. Глаза у пирата были шальные, будто вот прямо сейчас – на abordаж.

– Ты об этом хотел побеседовать, сэр Морган?

– Нет. – Морган улыбнулся.

– Какая досада... – сказал Тоньо хрипло-мягко, как бархатной лапой со спрятанными когтями погладил.

Мальчишка опустил ресницы. Светлые, как и волосы, зато длинные и пушистые, на зависть доннам. И улыбнулся:

– Да, понимаю, после боя... Однако нас ждет ужин, Антонио... вы же позволите звать вас просто по имени?

– О, у меня есть шанс что-то вам не позволить, мой гостеприимный хозяин? – рассмеялся Тоньо.

– Ну я же не буду к чему-то принуждать моего благородного гостя, – ответил Морган ему в тон.

– В этом месте должны звучать сарабанда, виолы и гобой, – прикрыв глаза, сказал Тоньо. – А потом – сольная ария благородного пирата, на авансцене. Прим-тенор. Сэр Морган, у вас тенор?

– Очевидно, альт, дон Антонио.

– Альтино, – поправил Тоньо. – В самый раз для ужасно

юного, но уже безумно благородного героя.

– Меня трудно назвать благородным героем. – Морган отступил на шаг.

– А мне достанется речитатив и ариозо Злодея, – не слушая возражений, продолжил Тоньо. – Бас, пурпурный плащ, зловеший грим...

– Выбирайтесь, Антонио. – Пират отступил еще на шаг. – Ужин остывает.

– О, ужин!

Тоньо резко вскочил, разбрызгав воду и облив Моргана. Тот от неожиданности плюхнулся на ковер и засмеялся. А Тоньо, приняв величественную позу, пропел – басом, как обещал, – на мотив популярной любовной арии: «Ужин, о прекрасный ужин, я так ждал тебя, приди же в мои объятия!»

Под смех публики он раскланялся во все стороны, поймал воображаемый букет, понюхал его, скривился и отбросил в Моргана. Вышагнул из бадьи, вытянул из кучи тряпок штаны, начал надевать.

Не вставая с ковра, Морган смотрел на него потемневшими почти до черноты глазами.

Потом шепнул:

– Антонио, ты...

– Если ты будешь так на меня смотреть, Морган, я тебя перепутаю с девицей, – оборвал его Тоньо совсем обыденным тоном и повернулся строго в профиль, чтобы пират уж никак не упустил выдающегося зрелища. Смесь ненависти,

опасности, веселья и чистого незамутненного телесного удовольствия действовала безотказно.

– Попробуешь – убью, – хрипло прошептал Морган; он дышал тяжело и неровно, похоже, на него тоже действовало безотказно, только что-то свое. – Давай ужинать...

– Ой, напугал кролика терновым кустом, – усмехнулся Тоньо. И, поймав недоуменный взгляд пирата, пояснил: – Я и так уже мертв, Морган.

– О нет. Ты жив. Пойдем к столу. – Морган так и не сводил с него глаз.

– Морган, вставай. – Тоньо потянул его за руку, поднял с пола...

Случайно так вышло или нет, но Морган оказался совсем близко, почти кожа к коже... да черт с ним, с батистом, все равно – близко, жарко. Совсем не похоже на смерть. И сердце у Моргана стучало сумасшедшими кастаньетами.

Мальчишка.

Даже убивать жалко.

А до рассвета еще чертовски долго. Целая жизнь.

К черту. До рассвета можно ни о чем не думать. Слово чести – такая удобная штука!

Морган опомнился. Сказал почти ровно, не сбивая дыхания:

– Ну же, гость, идем к столу. Не оскорбляй моего кока.

Тоньо рассмеялся:

– Оскорбить кока? Никогда! Это мясо пахнет просто бо-

жественно!

Потом они ели и беседовали, как старинные друзья. О погоде, видах на урожай, особенностях английского и испанского такелажа и прочих ужасно важных и интересных вещах. Целых три перемены блюд, глядя друг другу в глаза. И Тоньо все яснее понимал, что не хочет умирать один. Впрочем, и умирать хотелось все меньше, даром что его жизнь закончилась вот уже три часа как.

Глава 4, где говорится о китайском мудреце Лао Цзы и правильном применении веревки

К тому моменту, как вышколенный стюард – диво дивное для пиратской посуды, но удивляться Тоньо уже устал, – принес свежие фрукты на десерт, Морган успел рассказать десяток завиральных историй из жизни джентльменов удачи, а Тоньо – половину трехлетней давности сплетен родом из Саламанки с Севильей, а на закуску – парочку анекдотов о студиях, к которым имел честь принадлежать аж целых шесть лет. Пожалуй, кафедры права и алхимии в университете Саламанки были его самым лучшим воспоминанием, и если бы сейчас ему предложили прожить жизнь заново – это он бы повторил. Правда, двадцати четырех лет никто не предлагал, всего лишь несколько часов, но их Тоньо намеревался прожить с максимальным удовольствием. И успеть все, что только можно успеть за одну ночь. Сон сюда не входил.

Судя по взглядам Моргана, в его планы сон тоже не вписывался. А вот душевная беседа – очень даже. Потому что, едва дослушав бородатый анекдот о школяре, трактирщице и падре, он спросил:

– Антонио, почему граф де ла Вега – всего лишь канонир,

а не капитан? На первый взгляд не слишком почетная должность для столь родовитого дворянина.

Такой прямоты Тоньо не ожидал. Все еще. Быть может, потому что среди благородных донов не принято спрашивать о столь личном и скорее всего неприятном, а Морган сейчас вел себя так, что легче легкого было забыть, что он – пират, а Тоньо – его пленник.

Следовало бы возмутиться, сказать, что это не его дело, тем более что это в самом деле не его дело, но... смысл? Портить вечер? Или путать честь со спесью, как некоторые? Да ну. Последние часы можно потратить с большим толком.

– Я предпочитаю быть лучшим на обоих океанах канониром, нежели дерьмовым капитаном, Морган. К тому же, когда я поступал на флотскую службу, я не был графом де ла Вега. Титул принадлежал моему старшему брату...

«...которому спесь успешно заменяла честь», – добавил про себя и замолк, взялся за нарезанный дольками красный сицилийский апельсин. Дивно вкусный и сочный. Но Морган не считал нужным сдерживать любопытство:

– Семейная традиция? Младший сын должен стать военным? Или здесь что-то иное?

– Иное. – Тоньо дернул углом рта: вспоминать о брате было неприятно, а о причине, по которой он, человек сугубо мирный и светский, оказался на службе, и подавно. – У меня был прекрасный выбор, Морган. Или флот, или большое недоразумение с инквизицией. Как видишь, я выбрал флот.

Всегда любил артиллерию, к тому же... – он пожал плечами и продолжил: – Мой драгоценный брат ненавидел море, а значит, шансов встретиться с ним здесь было меньше всего, что несказанно меня радовало.

«Настолько, что о своей ненависти к морю я почти забыл, а пушки почти примирили меня с войной».

Морган задумчиво кивнул:

– Понимаю, Антонио, – и улыбнулся. – Сложно представить вас придворным, но канонир вы, милостью неба, прекрасный.

«Еще бы, – подумал Тоньо. – Истинный Альба и огонь – всегда прекрасное сочетание. Ты даже не представляешь, Морган, насколько прекрасное! Если б чертов матрос не ударил меня по голове, ты бы восхищался со дна морского, как и все, кто посмел приблизиться к «Санта-Маргарите» на расстояние выстрела».

– Отчего же сложно? – спросил он вслух. – Придворная жизнь бывает очень веселой. Почти как жизнь птичника. – Он скроил надутую-спесивую физиономию и курлыкнул поиндюшачьи.

Морган моргнул от удивления. Расхохотался.

– Вы неподражаемы, дон! – От смеха Морган даже уронил четки, которые с начала беседы вертел в руках. Не на пол, правда, на колени. Странные, нехристианские четки: длинные, без креста, мерцающие всеми оттенками зеленого. – Турецкие, – объяснил он, проследив взгляд Тоньо. – Принад-

лежали одному из их офицеров. Приносят удачу!

– Если удачей считать встречу с самим Морганом... – хмыкнул Тоньо. – Что-то мне подсказывает, что турок думал иначе. Не люблю турок, они чересчур бешеные и жадные даже для пиратов.

– Совершенно согласен, – улыбнулся Морган. И, понизив голос, добавил: – Но, дон Антонио, разве наша встреча для вас так уж отвратительна? Мне казалось, подобную беседу можно считать удачей.

– Как сказал мудрейший Лао Цзы, никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь. – Протянув руку, Тоньо качнул свисающие из ладони Моргана четки и продолжил ему в тон: – Но мне больше нравится другое изречение, вырезанное на столе в одной из таверн Саламанки, видимо, для лучшего усвоения студиязусами: когда удача поворачивается к тебе лицом, помни, что кто-то сейчас созерцает ее зад.

Морган тихонько фыркнул:

– Какая мудрая мысль, дон Антонио...

– Увы, не моя. Но с другой стороны, иной зад куда привлекательнее лика. Вот, допустим, стрелять в корму брига куда удобнее, чем в нос. Вы не находите, сэр Морган?

– О, я полностью доверяю в этом вопросе канониру! И, надо полагать, галантному кавалеру.

– Все бы капитаны были столь мудры, – вздохнул Тоньо. Грешно злиться *наимбесиль*, но если из-за *имбесиль* ты сдохнешь на рее, то можно. Господь не ждет от простого кано-

нира святого всепрощения. – А что вы собираетесь делать с доном Родригесом?

Морган удивленно пожал плечами:

– Посмотрю, не пожелают ли его выкупить, конечно.

– Королева не пожелает, а богатой родни у него нет. Зато есть один человек, который наверняка выложит за него круглую сумму.

Морган поощрительно кивнул:

– Я весь внимание.

Налив себе полбокала флорентийского, того самого, трофейного, Тоньо назвал имя и добавил:

– Сдается мне, вы достаточно удачливы, чтобы оказаться на Тортуге одновременно с «Арабеллой».

Морган снова тихонько фыркнул:

– Интересная мысль, дон Антонио. Возможно, я и последую вашему совету.

Тоньо молча поднял бокал: памяти Хосе Марии Родригеса, благородного идальго, тоже путавшего честь со спесью.

Морган последовал его примеру. Отпил совсем немного – так, губы омочил. Тоньо в который раз отметил, что и тут Морган ведет себя странно. За весь ужин он выпил едва ли бокал вина, словно и не моряк.

– Вы рассматриваете меня, Антонио, – улыбнулся пират одними губами. – Что вас так заинтриговало?

– Вы не похожи на пирата. Впрочем, на капитана корабля вы похожи еще меньше. Тем не менее команда ходит по

струнке и явно вас любит. Это весьма любопытное явление. Кроме того, вы бессовестно красивы, Морган. В отличие от всех прочих виденных мною англичан. Честно говоря, до сих пор я был уверен, что Британия – родина белесых уродов.

– Не оскорбляйте мою родину, – рассмеялся Морган. – В конце концов, моя королева – наполовину испанка. Однако, – он опустил ресницы, словно в замешательстве, – вы действительно считаете, что я красив? Это... необыкновенно приятно слышать.

– Судя по вашей каюте, Морган, вы разбираетесь в восточном оружии... – Тоньо встал, снял со стены легкую саблю, на вид совсем простую, но лучшую во всей коллекции. Провел пальцем по плоскости клинка, словно ласкал женщину. – Ты похож на нее, Морган. Смертельная красота. – Он глянул пирату в глаза, перехватил саблю как для удара, сделал пару взмахов. – И голос похож. Мне нравится, как она поет. За-вораживает.

Пират опустил голову. Выбившаяся из косы прядь спрятала лицо, а сама коса, на диво толстая и длинная, открыла совсем тонкую шею. Словно нарочно, под удар.

Или – поцелуй.

«Пресвятая Дева, убереги меня от искушения, – подумал Тоньо, невольно восхищаясь канальей. – Ведь не боится, даже ресницы не дрогнули, когда я взял саблю. То ли безоговорочно верит в слово дона, то ли надеется на удачу... или, быть может, на дьявола? Говорят, Морган продал душу дья-

волу, и тот всегда стоит за его левым плечом. Нашептывает. А то и сам говорит его устами».

Сабля отправилась обратно на стену. Слово чести – иногда очень неудобная штука. Вроде не жмет, не давит, но держит лучше любой цепи.

Недопитое флорентийское так и стояло на столе. Вот искушение, которому самое время поддаться и не думать о том, как это было бы – плавать с капитаном, который ловит и впитывает каждое слово, смотрит на тебя с восторгом и не ищет любого повода, чтобы тебя унижить перед командой, ведь если вспылишь – у него будет отличный повод посадить тебя в трюм, а потом отдать на суд святой инквизиции.

До рассвета все еще оставалась целая жизнь, а в бутылке – до дьявола флорентийского, когда Морган поднял голову и внезапно охрипшим голосом позвал:

– Тоньо, поклянись, что никому и никогда не расскажешь о... обо всем, что узнал от меня и обо мне. До рассвета.

– Слово дона, Морган.

На этот раз соглашаться было просто. Легче легкого. Тем более что после рассвета он уже никому и ничего не расскажет, разве что акулам – о том, что иное слово чести, данное самому себе перед взором Господним, жмет и давит куда сильнее, чем произнесенное вслух.

Пират поднялся из-за стола, отпил целый глоток флорентийского. Из бокала Тоньо. И со странной застывшей улыбкой попросил. Именно попросил, не приказал:

– Дайте мне ваши руки, дон Антонио.

Первой мыслью было: уже рассвет? Но нет, не так быстро. Южные ночи в сентябре долгие. А вторым было удивление. Зачем? Так просят не для того, чтобы упечь в трюм или повесить на рее. Так просят, чтобы... Чтобы – что?

Пока Морган с той же застывшей улыбкой связывал его, Тоньо пытался успокоить бешено застучавшее сердце. Любопытство, опасность, досада, злость – все перемешалось и обещало вот сейчас взорваться, как черный порох. Только искру дай.

«Господи, дай мне искру, сейчас, прошу Тебя!»

Но Господь снова не ответил, а в голове по-прежнему была невыносимая легкость. Проклятие.

– Встаньте.

Тоньо послушался.

Глядя в сторону, Морган рукой с зажатými в ней четками махнул на постель.

Все же – постель. Кусочек запретного яблока. Трижды проклятие! А такой был дивный дружеский ужин...

* * *

– Морган, меня необязательно связывать, чтобы я лег с тобой. – Тоньо шагнул к нему, поднял связанные запястья, коснулся пальцами его груди. – Ну, посмотри на меня, Морган. Я... я тоже хочу.

Тоньо не врал. Ну, почти. Он в самом деле хотел – чтобы его развязали и дали возможность пусть не отправить «Розу Кардиффа» ко дну, но хотя бы избавить Испанию от наглого и удачливого пирата. А что его собственное тело после боя готово было принять за девицу хоть грот-мачту – не имеет значения.

Пират вздрогнул, поднял на него глаза – темные, шальные и какие-то отчаянные. Закусил губу.

– Пусть так, дон Антонио, – сказал преувеличенно ровно. – Вам ведь не мешают связанные руки.

– Я не в том положении, чтобы спорить, не так ли, мой гостеприимный хозяин?

Пожал плечами и после мгновения бесплодного ожидания улыбнулся, весело и бесшабашно. Морган хочет играть, так хорошо же, игра – это всегда весело. Азарт, интрига! Сразу две интриги: пройдет, наконец, эта проклятая пустота в голове и потеряет ли пират осторожность настолько, чтобы Тоньо мог дотянуться до его шеи. Он крупнее, сильнее, и черта с два ему помешает какая-то там веревка.

Не отпуская взгляда мальчишки, Тоньо улегся на постель, спиной на груди подушек. А Морган все с тем же непонятым выражением лица принялся расплетать косу. Длинную, чуть не до пояса. Затем расстегнул дублет, отбросил на кресло – все так же, не отводя горящих темных глаз.

Туфли.

Чулки.

Быстро, без единого лишнего движения, без капли кокетства.

Невероятно красиво и... возбуждающе?

Проклятие, уж лучше бы грот-мачта...

А Морган все же продал душу дьяволу, человек не может быть таким... таким...

«Пресвятая Дева Мария, молись за меня! Избавь меня от этого наваждения!»

Щиколотки и стопы у Моргана были узкие, маленькие, и кожа нежная. Мальчишка. Не вырос еще, совсем мальчи...

Он не успел додумать, как Морган с так неподходящей ему нерешительной улыбкой сдернул сорочку. И медленно, продолжая улыбаться, уронил на кресло.

А Тоньо без единой связной мысли в голове смотрел на его грудь... То есть – на ее грудь. Маленькие бледные холмики, едва заметные, с темной родинкой на левой, прямо под соском.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.